

из-за этого-то ничтожества всёю отъ любви отказываться? Опомнитесь, гг. Позднышевы, очень вы уже высокую цѣну себѣ даете! — Другой примѣръ. Позднышевъ говоритъ: „Вѣдь, вы поймите, что если жопятся по Домострою, какъ говорили этотъ старикъ, то подушки, приданое, постель—все это подробности освященнаго таинства“, а нѣтъ, дескать, бракъ лишень этого характера и есть просто мерзость. Я отнюдь не буду стоять за нѣтъбракъ, но вотъ есть же, стало-быть, и такія формы брака—по Домострою“, которыя удовлетворяютъ Позднышева. Только вотъ въ чемъ бѣда. Я въ самомъ началѣ обратилъ вниманіе читателей на фигуру стараго куница, котораго по случайная спутница назвала „живымъ Домостроемъ“. Этотъ Домострой, дѣйствительно, какъ мы видѣли, говорилъ о священномъ характерѣ брака, объ обязательной вѣрности жены супружескому долгу, о необходимости держать ее въ страхѣ. Выбѣтъ съ тѣмъ, однако, онъ разрѣшалъ себѣ вѣстись съ красотками въ Кунавинѣ, на томъ основаніи, что „это статья особая“. Неужели это въ самомъ дѣлѣ удовлетворяетъ нравственное чувство Позднышева, и не есть ли онъ въ такомъ разѣ не только развратникъ и не послѣдовательный человѣкъ, а кромѣ того еще и лицемеръ?

Одно, мнѣ кажется, совершенно ясно вытекаетъ изъ предыдущаго, а именно, что никакимъ образомъ нельзя усвоивать гг. Толстому всё мнѣніе Позднышева. Если же гг. Толстой, всегда склонный нѣсколько очаровывать читателей, вложилъ Позднышеву нѣкоторыя собственныя мысли, то надо распределить содержаніе „Крейцеровой сонаты“ такъ: все доброе и умное принадлежить въ ней нашему знаменитому писателю, а все злое, развратное, глупое—Позднышеву. И намъ остается только благодарить гг. Толстого за толкое и глубокое воспроизведеніе оригинальнаго типа развратника. Будемъ же надѣяться что „Крейцорова соната“ есть задатокъ возрожденія художественной дѣятельности гг. Толстого.

X.

Объ отцахъ и дѣтяхъ и о г. Чеховѣ.

Между Н. В. Шелгуновымъ (въ „Русской Мысли“) и газетой „Недѣля“ все еще тянется полемика, на которую я когда-то обратилъ вниманіе читателей „Русскихъ Вѣдомостей“. Изъ мартовской книжки „Русской Мысли“ я узналъ, что, по мнѣнію „Недѣли“, изложенному почтенною газеткою въ статьѣ „Отцы и дѣти нашего времени“, полемиза эта „является только однимъ изъ

эпизодовъ въ тѣхъ безконечныхъ пререканіяхъ, которыя всегда ведутъ между собою отцы и дѣти“. Дѣти—это „Недѣли“... Отъ „дѣтей“ мы привыкли ждать молодости, свѣжести, силы, даже нѣкоторой бурности, а потому встрѣтить въ роли „дѣти“ почтеннаго редактора „Недѣли“, г. Гайдебурова, какъ будто и неожиданно невозможно. Приглядываясь, однако, къ „дѣтямъ“, представляемымъ „Недѣлей“, мы не найдемъ тутъ ничего страннаго или удивительнаго. Въ той же мартовской книжкѣ „Русской Мысли“ приведена слѣдующая выписка изъ статьи „Недѣли“, громко озаглавленной („Недѣля“ вообще любитъ громкія заглавія) „Новое литературное поколѣніе“. Новое поколѣніе (80-хъ годовъ) родилось скептикомъ, и идеалы отцовъ и дѣдовъ оказались надъ нимъ безсильными. Оно не чувствуетъ ненависти и презрѣнія къ обыденной человѣческой жизни, не признаетъ обязанности быть героемъ, не вѣритъ въ возможность идеальныхъ людей. Всѣ эти идеалы—сухія, логическія произведенія индивидуальной мысли, и для новаго поколѣнія осталась только дѣйствительность, въ которой ему суждено жить и которую оно потому и признало. Оно приняло свою судьбу спокойно и безропотно, оно прониклось сознаніемъ, что все въ жизни вытекаетъ изъ одного и того же источника—природы, все является собою одну и ту же тайну бытія, и возвращается къ пантеистическому міросозерцанію“.

Таковы современныя „дѣти“. Немудрено, что г. Гайдебуровъ, „родившійся“, можетъ быть, и не „скептикомъ“ и фигурирующій въ литературѣ лѣтъ 30 слишкомъ, находитъ себѣ мѣсто среди этихъ старообразныхъ дѣтей. Вообще, дѣло, очевидно, не въ возрастѣ, и это очень удобно. Какъ только вы увидѣли человѣка, для котораго „осталась только дѣйствительность“ и который этимъ вполне доволенъ, такъ и знайте, что это „дѣти“, „новое поколѣніе“. Странныя дѣти, можно сказать, небывалыя дѣти, но если они сами себя такъ называютъ, такъ и Господь съ ними. И я могу съ чистою совѣстью сказать: „О, дѣти, дѣти, какъ опасны ваши лѣта!“ Хотя дѣло и не въ возрастѣ. Нынѣшнія дѣти, или собственно тѣ, которыя такъ сами себя называютъ въ „Недѣлѣ“, не щеголяютъ обычными свойствами молодости; нѣтъ, они старіе, солиднѣе своихъ отцовъ и дѣдовъ, а потому не стоятъ передъ ними и опасности, обычно грозящія молодости,—опасности страстнаго увлеченія, риска, горячей вѣры и надежды. По та самоувѣренности, которая въ настоящей молодости является лишь естественнымъ показателемъ избытка силы, не искушенной

1) впервые — «Рус. ведомости» 1890 № 104

в числе „Письма о разныхъ разносѣяхъ.“

опытомъ, въ нихъ въ этихъ временнѣхъ „дѣтихъ“ чревата иными опасностями. Полагая, что только и свѣта, что въ окошкѣ, гордо отрѣзывала себѣ отъ идеаловъ отцовъ и дѣдовъ, даже отъ всякихъ идеаловъ, вполне довольствовалась „дѣйствительностью“, эти люди обрекаютъ себя на жизнь тусклую изъ тусклыхъ. Они сознаютъ это и не боятся: имъ какъ разъ по плечу эта жизнь. Но въ прежнее время они въ этомъ не сознались бы публично, потому что, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ стыдно, а нынѣ они заявляютъ свою тусклость всенародно. Они считаютъ себя солью земли, которой мѣшаетъ только какая-нибудь горсточка „отцовъ“, оберегающихъ бывшѣ идеалы, а все остальное, дескать, съ нами, готово признать ихъ своими выразителями и вождями: они — „новое литературное поколѣнiе“... По существу дѣла, это только смѣшно. Возражая „Недѣлѣ“, г. Шелгуновъ справедливо говоритъ, что ссылка на тургеневскую формулу „отцовъ и дѣтей“ не имѣетъ въ данномъ случаѣ никакого смысла. Современныя „дѣти“, то-есть опять-таки тѣ, которые сами себя такъ называютъ въ „Недѣлѣ“, отрешиваясь отъ идеаловъ отцовъ и дѣдовъ, не блистаютъ ни талантами, ни знанiями, ни оригинальностью физиономiи, ни даже численностью. Они представляютъ собою нѣчто въ родѣ туслаго туманнаго пятна, расплывающагося въ общемъ фонѣ той апатiи, безсодержательности, того отсутствiя всякаго присутствiя, которое характеризуетъ теперешнее трудное время вообще. Они только вторятъ теченiю реакцiи противъ идеаловъ недавняго прошлаго, ничего новаго и положительнаго имъ не прогнiвоставляя и не обладавъ двусмысленнымъ мужествомъ и послѣдовательностью открытихъ реакцiонеровъ. Но трудное время пройдетъ, потому что это именно только вопросъ труднаго времени, можетъ быть и долгаго, а можетъ быть совсѣмъ не долгаго; волна реакцiи отхлынетъ, и я не поздравляю тѣхъ раковъ, которые останутся на мели. Вообще, эти „дѣти“—явленiе до такой степени мизерное, что, можетъ быть, г. Шелгуновъ дѣлаетъ даже ошибку, удѣляя имъ столько вниманiя. Но отмѣтить его все-таки слѣдуетъ, и именно въ его связи съ общимъ настроенiемъ минуты.

„Для насъ существуетъ только дѣйствительность, въ которой намъ суждено жить“; „идеалы отцовъ и дѣдовъ надъ нами безсильны“,—эти подлежащiя, сказуемiя, опредѣленiя и дополненiя можно встрѣтить не въ одной „Недѣлѣ“, а и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ отнюдь не говоются за наименованiемъ „дѣтей“. Это то же самое „наше время не время широкихъ задачъ“, которое когда-то громидъ и осмѣивалъ Щедрицъ, какъ вѣчто

постыдное, а нынѣ оно распознано и осложнилось склонностью къ оплеванию многого изъ того, что еще недавно было общепризнано дорогимъ. Чѣмъ же это дорогое замѣняется нынѣ?

Недавно я прочиталъ въ одной большой газетѣ неоднократное заявленiе, что „Островскiй устарѣлъ“. Извѣстiе это меня очень заинтересовало. Я полагаю, что Островскiй принадлежитъ къ числу писателей, которые не старѣютъ или, по крайней мѣрѣ, живутъ такъ долго, что объ ихъ устарѣлости можно говорить только въ томъ случаѣ, если на смѣну имъ явится что-нибудь особенно яркое и крупное. Должно быть, подумалъ я, наша драматическая литература сдѣлала гигантскiе шаги послѣ Островскаго, и надо мнѣ съ этой литературой познакомиться. Но это оказалось дѣломъ не легкимъ. Драмы Островскаго, равно какъ и нѣкоторыхъ другихъ „отцовъ“, какъ напримѣръ, Писемскаго, Потѣхина, печатались въ свое время въ журналахъ. Нынѣ этого нѣтъ совсѣмъ, и когда я, наконецъ, досталъ нѣсколько литографированныхъ драматическихъ произведенiй, имѣвшихъ наибольшiй успѣхъ въ прошлый театральнiй сезонъ, я понялъ, почему они литографированы, а не напечатаны въ журналахъ. Какъ ни далеко отошли наши теперешнiе журналы отъ недавнихъ преданiй, но это все-таки литература, а тѣ драматическiя произведенiя, которыя я прочиталъ, не имѣютъ ничего общаго съ литературой. Это истинно „дѣтскiя“ произведенiя, и по формѣ, и по содержанiю. Время, породившее эти малости, любующееся на нихъ (повторяю, я читалъ пьесы, имѣвшiя наибольшiй успѣхъ, то-есть чаще всего даввшiяся), можетъ считать себя несчастнымъ временемъ. И къ этому, какъ ко всякому сознательному несчастiю, можно, даже должно отнести съ сочувствiемъ. Какъ въ самомъ дѣлѣ не пожалѣть этихъ бѣдныхъ актеровъ, обреченныхъ изображать не живыхъ людей, а какихъ-то говорящихъ куколъ, и произносить рѣчи, либо совершенно бессмысленныя, либо наполненныя азбучною моралью; какъ не пожалѣть и зрителей и самихъ авторовъ, выступающихъ съ дѣтскими вещами? Но если при этомъ говорить, что „Островскiй устарѣлъ“, такъ ужъ это не сожалѣнiя, а смѣха достойно.

Я хотѣлъ-было предложить вамъ пересмотрѣть вмѣстѣ со мной тѣ пять-шесть новѣйшихъ драматическихъ произведенiй, съ которыми я познакомился, по откладываю это до другого раза. Фактъ отсутствiя драматической литературы во всякомъ случаѣ на-лицо, и никто, я полагаю, съ этимъ спорить не станетъ. А еслибы „Недѣля“ или кто другой, довольный ходомъ дѣла вообще

и „новымъ литературнымъ поколѣніемъ“ въ вѣстности, и пожелалъ спорить, то я спро- тивля бы: отчего же вы не печатаете этихъ прекрасныхъ драмъ и комедій? Откладывалъ на неопредѣленное время бесѣду о новѣйшей драматической quasi-литературѣ, я лишаю себя большого развлечения, потому что тутъ есть надѣ чѣмъ посмѣяться, хотя есть и погос- ровать объ чемъ. Но съ этимъ торопиться нечего, въ виду непререкаемости факта исчезновенія драматической литературы. Ну, и пусть радуются этому факту тѣ, для кого „осталась только дѣйствительность, въ кото- рой имъ суждено жить и которую они по- тому и признали“.

Любопытнѣе, можетъ быть, было бы пере- смотреть критиковъ, публицистовъ, поэтовъ „дѣйствительности“. Но я пока и отъ этого уклоняюсь. Передо мной лежитъ маленькая книжка, имѣющая близкое отношеніе къ на- шей темѣ, и на ней-то я и сосредоточусь на этотъ разъ. Книжка эта—новый, только- что вышедшій сборникъ разсказовъ г. Че- хова подъ заглавіемъ „Хмурые люди“.

Призваться сказать, я началъ читать книжку съ конца, заинтересовавшись ориги- нальнымъ заглавіемъ послѣдняго разсказа— „Шампанское“, потомъ прочиталъ въ беспорядкѣ остальное, намѣренно откладывая въ конецъ самый большой разсказъ— „Скучная исторія“; откладывалъ потому, что боялся того непріятнаго впечатлѣнія, которое раз- считывалъ получить отъ этого разсказа, а почему рассчитывалъ получить непріятность, сейчасъ скажу. Въ разсказѣ „Шампанское“ я остановился на слѣдующихъ хорошен- кихъ строчкахъ: Два облачка уже отошли отъ луны и стояли поодаль съ такимъ видомъ, какъ будто шептались объ чемъ-то такомъ, чего не должна знать луна. Легкій вѣтерокъ пробѣжалъ по степи, неся глухой шумъ ушедшаго поѣзда“. Въ разсказѣ „Почта“ опять хорошенкия строки въ томъ же вкусѣ: „Колокольчикъ что-то прозвонилъ бубенчи- камъ, бубенчики ласково отвѣтили ему. Та- рнтаясъ въизгнулъ, тронулся, колокольчикъ завлакалъ, бубенчики засмѣялись“. Или вотъ еще, въ разсказѣ „Холодная кровь“: „Старикъ встаетъ и вмѣстѣ съ своей длинной тѣнью осторожно спускается изъ вагона въ поемки“. Какъ это въ самомъ дѣлѣ мило, и такихъ милыхъ штришковъ много раз- бросано въ книжкѣ, какъ, впрочемъ, и всегда въ разсказахъ г. Чехова. Все у него живить: облака тайкомъ отъ луны шеп- чутся, колокольчикъ ивнучуть, бубенчики смѣются, тѣнь вмѣстѣ съ человѣкомъ въ вагонѣ выходитъ. Эта своего рода, пожалуй, лантеистическая дѣржа очень своеобразность въ стилѣ разсказа и следовательно въ на- чертаніи и изложеніи автора. Но,—страв-

ное дѣло,—несмотря на готовность автора оживить всю природу, все неживое, и оду- хотворить все неодушевленное, отъ книжки его жизнью все-таки не вѣетъ. И это отнюдь не потому, что онъ взялся изобразить „Хмурыхъ людей“. Заглавіе это совѣмъ не соответствуетъ содержанию сборника и вы- брано совершенно произвольно. Есть въ сборникѣ и дѣйствительно хмурые люди, но есть такіе, которыхъ этотъ эпитетъ вовсе не характеризуетъ. Въ какомъ смыслѣ мо- жетъ быть названъ хмурымъ человѣкомъ, напримѣръ, купецъ Авдѣевъ („Вѣда“), ко- торый выпиваетъ, закусываетъ икрой и по- падаетъ въ тюрьму, а потомъ въ Сибирь за то, что подписывалъ, не читая, какіе-то банковые отчеты? Нѣтъ, не въ хмурыхъ людяхъ тутъ дѣло, а можетъ быть именно въ томъ, что г. Чехову все едино,—что человѣкъ, что его тѣнь, что колокольчикъ, что самоубійца.

Г. Чеховъ пока единственный, дѣйстви- тельно талантливый беллетристъ изъ того литературнаго поколѣнія, которое можетъ сказать о себѣ, что для него „существуетъ только дѣйствительность, въ которой ему суждено жить“, и что „идеалы отцовъ и дѣдовъ надъ ними безсильны“. И я не знаю зрѣлища печальнѣе, чѣмъ этотъ даромъ пропадающій талантъ. Богъ съ ними, съ этими старообразными „дѣтьми“, упражняющимися въ критикѣ и публицистикѣ: ихъ бездарность равняется ихъ душевной черствости и едва ли что-нибудь яркое вышло бы изъ нихъ и при лучшихъ условіяхъ. Но г. Че- ховъ талантливъ. Онъ могъ бы и свѣтить и грѣть, еслибы не та несчастная „дѣйстви- тельность, въ которой ему суждено жить“. Возьмите любого изъ талантливыхъ „отцовъ“ и „дѣдовъ“, то-есть писателей, сложив- шихся въ умственной атмосферѣ сороко- выхъ или шестидесятыхъ годовъ. Начните съ вершинъ въ родѣ Салтыкова. Остроу- скаго, Достоевскаго, Тургенева и кончите— ну хоть г. Лейкина, тридцатилѣтній юби- лей котораго празднуется на дняхъ. Какія это все опредѣленные, законченныя физіо- номіи и какъ опредѣлены ихъ взаимныя отношенія съ читателями! Я помянулъ г. Лейкина, талантъ котораго отнюдь не изъ кручинныхъ и который вдобавокъ потратилъ свое дарованіе на 7,000 (такъ пишутъ въ газетахъ) пустяковыхъ разсказовъ. Однако, и онъ имѣетъ свой опредѣленный кругъ читателей, которыхъ смѣнить или трогаетъ. Неможно надобдыви въ эти „разделюціи“ (вмѣсто „резюлюціи“), „наемныя еще лампа- дочку“ (вмѣсто „налей еще рюмку“), „изъ подножія ногъ твоихъ“ и т. п. Но если среда, гдѣ все это нужно, гдѣ г. Лейкинъ всегда равно желанный и дорогой гость.

См. *Талантъ*, 1877, №15, 20 стр.

Въ *Талантъ* г. Чеховъ...

и *Талантъ*...

Тѣмъ паче надо это сказать о першинахъ. „Писатель пописываетъ, а читатель почитываетъ“, — эта горькая фраза Салтыкова вовсе не справедлива по отношенію къ нему и его сверстникамъ. Ихъ произведенія читатель не только почитывалъ, — онъ спорилъ объ нихъ, умилялся или негодовалъ, ловилъ мысль, горѣлъ чувствомъ, словомъ, жилъ ими. Между писателями и читателями была постоянная связь, можетъ быть, не столь прочная, какъ было бы желательна, но несомнѣнная, живая. Повторю, такая связь существуетъ даже для г. Лейкина, а для неизмѣримо болѣе талантливаго и серьезнаго г. Чехова ея нѣтъ. Онъ, дѣйствительно, пописываетъ, а читатель его почитываетъ. Г. Чеховъ и самъ не живетъ въ своихъ произведеніяхъ, а такъ себѣ, гуляетъ мимо жизни и, гуляючи, ухватитъ то одно, то другое. Почему именно это, а не то? почему то, а не другое?

Выборъ темъ г. Чехова поражаетъ своею случайностью. Везутъ по желѣзной дорогѣ быковъ въ столицу на убой. Г. Чеховъ заинтересовывается этимъ и пишетъ рассказъ подъ названіемъ „Холодная кровь“, хотя даже понять трудно, при чемъ тутъ „холодная кровь“. Фигурируетъ, правда, въ рассказѣ одинъ очень хладнокровный человѣкъ (сынъ грузоотправителя), но онъ вовсе не составляетъ центра рассказа, да и вообще въ немъ никакого центра нѣтъ, просто не за что ухватиться. Почту везутъ, по дорогѣ тарантасъ встряхиваетъ, почтальонъ вываливается и сердится. Это — рассказъ „Почта“. Зачѣмъ онъ миѣ? Не миѣ лично, конечно. Миѣ и „подножіе ногъ“ г. Лейкина не нужно, но гдѣ-нибудь въ трактирѣ или въ бакалейной лавкѣ это „подножіе ногъ“ произведетъ свой эффектъ; а отъ „Почты“ никому, рѣшительно никому ни тепла, ни радости, хотя именно въ этомъ рассказѣ бубенчики такъ мило пересѣиваются съ колокольчиками. И рядомъ, вдругъ, „Спать хочется“, — рассказъ о томъ, какъ тринадцатилѣтняя дѣвчонка Варька, состоящая въ пляскахъ у сапожника и не имѣющая ни минуты покоя, убиваетъ порученаго ей грудного ребенка потому, что именно она мѣшаетъ ей спать. И рассказывается это тѣмъ же тономъ, съ тѣми же милыми колокольчиками и бубенчиками, съ тою же „холодною кровью“, какъ и про быковъ или про почту, которая выѣхала съ одной станціи и пріѣхала на другую...

Нѣтъ, не „хмурыхъ людей“ надо бы поставить въ заглавіе всего этого сборника, а вотъ развѣ „холодную кровь“: г. Чеховъ съ холодною кровью пописываетъ, а читатель съ холодною кровью почитываетъ.

Такъ думалъ я, пока, наконецъ, не до-

шелъ до „Скучной исторіи“. Этой сравнительно довольно большой вещи и боялся. Дѣло въ томъ, что къ маленькимъ рассказамъ г. Чехова, занимающимъ одинъ газетный фельетонъ или пять-шесть страницекъ маленькаго формата въ книжкѣ, мы уже привыкли, и этотъ странный переносъ хорошенькихъ колокольчиковъ съ убійцами и людей съ быками не особенно утомляетъ, когда онъ разбитъ на маленькіе, оборванные клочки. А въ „Стени“, первой большой вещи г. Чехова, самая талантливость этого переноса является уже источникомъ неприятнаго утомленія: идешь по этой стени, и, кажется, конца ей нѣтъ... Въ „Ивановѣ“, комедіи, не имѣвшей, къ счастью, успѣха и на сценѣ, г. Чеховъ явился пропагандистомъ двухъ вышеприведенныхъ „дѣтскихъ“ тезисовъ: „идеалы отцовъ и дѣдовъ надъ нами безсильны“; „для насъ существуетъ только дѣйствительность, въ которой намъ суждено жить и которую мы потому и признали“. Эта проповѣдь была уже даже и не талантлива, да и какъ можетъ быть талантлива идеализація отсутствія идеаловъ? Не везетъ г. Чехову на большія вещи. Можетъ быть, и „Скучная исторія“ есть дѣйствительно скучный наборъ случайныхъ впечатлѣній, или же опять что-нибудь вроде „Иванова“, опять пропаганда тусклаго, сѣраго, умѣреннаго и аккуратнаго житія...

И ошибся самымъ пріятнымъ образомъ. „Скучная исторія“ — есть лучшее и значительнѣйшее изъ всего, что до сихъ поръ написалъ г. Чеховъ. Ничего общаго съ распущенностью и случайностью впечатлѣній въ „Стени“; ничего общаго съ идеализаціей сѣрой жизни въ „Ивановѣ“. И даже совсѣмъ напротивъ.

„Скучная исторія“ имѣетъ подзаглавіе: „изъ записокъ стараго человѣка“. Этого стараго человѣка, Николай Степановичъ „такой-то“, есть знаменитый профессоръ, ученый, умный, талантливый, честный. Такимъ онъ самъ себя рекомендуетъ и, судя по сообщаемымъ имъ фактамъ, говоритъ правду. Жизнь его, вообще говоря, сложилась педурно, но къ 62-мъ годамъ подобрался разный облачка: нѣкоторая денежная запутанность, кое-какія семейныя дразги, хворость, главное хворость. Николай Степановичъ, какъ профессоръ по медицинской части, понимаетъ, что смерть не за горами и что было бы съ его стороны добросовѣстно уступить кафедру человѣку болѣе молодому и свѣжему, но этого онъ сдѣлать не въ силахъ.

„Пусть судитъ моя Богъ, — онъ говоритъ, — у меня не хватаетъ мужества поступить по совѣсти“: онъ слишкомъ привыкъ къ своему профессорскому дѣлу, слишкомъ любитъ его. „Какъ 20—30 лѣтъ назадъ, такъ и теперь,

передъ смертью, меня интересуетъ одна только наука. Испускаю послѣдній вздохъ, я все-таки буду вѣрить, что наука—самое важное, самое прекрасное и самое нужное въ жизни человѣка, что она всегда была и будетъ высшимъ проявленіемъ любви и что только ею одною человѣкъ побѣдитъ природу и себя". Это не мѣшается, однако, Николаю Степановичу имѣть и высказывать свои мнѣнія о литературѣ, о театрѣ, о разныхъ житейскихъ дѣлахъ: мнѣнія не Богъ знаетъ какой оригинальности и премудрости, но съ преданнаго своему дѣлу ученаго специалиста нельзя въ этомъ отношеніи много и спрашивать. И вотъ этого „прекраснаго, рѣдкаго человѣка“, какъ его аттестуетъ другой, несомнѣнно тоже хороший человѣкъ, начинаютъ посѣщать странныя мысли. Ему кажется, что „все гадко, не для чего жить, а тѣ 62 года, которые уже прожиты, слѣдуетъ считать пропащими“. Съ особенною силою эти мрачныя мысли возникаютъ въ Николаѣ Степановичѣ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Понадобилось ему ѣхать въ Харьковъ, чтобы собрать свѣдѣнія о предполагаемомъ женихѣ его дочери. Поѣздка эта не особенно хорошо мотивирована. Предполагаемый женихъ, котораго, мимоходомъ сказать, Николай Степановичъ терять не можетъ, еще не дѣлалъ предложенія; въ Харьковѣ у Николая Степановича есть знакомые, вообще рѣшительно не видно, почему 62-лѣтній знаменитый профессоръ долженъ самъ ѣхать для собиранія свѣдѣній о женихѣ. Но это все равно. Приѣхавъ больной, слабый старикъ въ Харьковъ, и натурально, загрустивъ. А тутъ еще телеграмма: дочь тайно обвѣчалась (опять-таки неизвестно, почему тайно), и надо ѣхать назадъ. Тяжелая, бессонная ночь... Николай Степановичъ сидитъ въ постели, обнявъ руками колѣна, и думаетъ... между прочимъ такъ: „Чего я хочу? Я хочу, чтобы наши жены, дѣти, друзья, ученики любили въ насъ не имя, не фирму и не ярлыкъ, а обыкновенныхъ людей. Еще что? Я хотѣлъ бы имѣть помощниковъ и наслѣдниковъ... Еще что? Хотѣлось бы проснуться лѣтъ черезъ сто и хотѣть однимъ глазомъ взглянуть что будетъ съ наукой... Хотѣлъ бы пожить еще лѣтъ десять... Дальше что? А дальше ничего... Я думаю, долго думаю и ничего не могу еще придумать. И сколько бы я придумалъ и куда бы ни разбрасывались мои мысли, для меня ясно, что въ моихъ желаніяхъ нѣтъ чего-то главнаго, чего-то очень важнаго. Въ моемъ пристрастіи къ наукѣ, въ моемъ желаніи жить, въ этомъ сидѣніи на чужой кровати и стремленіи познать самого себя, во всѣхъ мысляхъ, чувствахъ и понятіяхъ, какія я составляю обо всемъ,

нѣтъ чего-то общаго, что связывало бы все это въ одно цѣлое... Каждое чувство и каждая мысль живутъ во мнѣ особнякомъ, и во всѣхъ моихъ сужденіяхъ о наукѣ, театрѣ, литературѣ, ученикахъ и во всѣхъ картинахъ, которыя рисуетъ мое воображеніе, даже самый искусный аналитикъ не найдеть того, что называется общей идеей или богомъ живого человѣка. А коли нѣтъ этого, то, значить, нѣтъ и ничего“...

Душевный мракъ все сгущается, какъ вдругъ въ комнату Николая Степановича совершенно неожиданно является пѣкан Катя. Это—его воспитанница, дочь его умершаго друга, молодая женщина, хорошая, умная, живая, но претерпѣвшая много бѣдъ и въ концѣ-концовъ одинокая. На-скоро издоровавшись съ своимъ воспитателемъ, она, задыхаясь и дрожа всѣмъ тѣломъ, умоляетъ старика помочь ей совѣтомъ, научить ее, какъ ей жить, что дѣлать.

— Помогите! — рыдаетъ она, хватая меня за руку и цѣлуя ее. Вѣдь вы мой отецъ, мой единственный другъ! Вѣдь вы умны, образованы, долго жили! Вы были учителемъ! Говорите же, что мнѣ дѣлать?

— По совѣсти, Катя, не знаю...

Я растерялся, сконфузился, тронуть рыданіями и едва стою на ногахъ.

— Давай, Катя, завтракать,—говорю я, натянуто улыбаясь.—Будетъ плакать.

И больше ничего бѣдная Катя такъ и не добивается отъ знаменитаго профессора, котораго она не безъ основанія считаетъ „прекраснымъ, рѣдкимъ человѣкомъ“. Онъ даже не даетъ ей высказаться, выложить свое горе и уже тѣмъ самымъ облегчить его. Онъ только растерянно и безпомощно повторяетъ: „данай завтракать!“ да „будетъ плакать!“ Обезкураженная Катя уходитъ. Николай Степановичъ рассказываетъ: „Лицо, грудь и перчатки у нея мокрыя отъ слезъ, но выраженіе лица уже сухо, сурово. И гляжу на нее, и мнѣ стыдно, что я счастливые ея. Отсутствие того, что товарищи-философы называютъ общею идеею, я замѣтилъ въ себѣ только незадолго передъ смертью, на закатѣ своихъ дней, а вѣдь душа этой бѣдняжки не знала и не будетъ знать пріюта всю жизнь, всю жизнь!“

Да, это трагедія! И, надо отдать справедливость автору, хорошо поставленная трагедія. Но надо присмотрѣться къ ней нѣсколько ближе.

Николаю Степановичу 62 года, онъ напоминаетъ въ числѣ своихъ друзей Пирогова, Кавелина, Некрасова. Это, конечно, вполне возможно, но едва ли типично. Мало ли есть несомнѣнныхъ житейскихъ возможностей, которыя, однако, слишкомъ индивидуальны, слишкомъ случайны, чтобы правомѣрно сдѣлаться объектомъ художествен-

наго воспроизведения во всѣхъ своихъ конкретныхъ подробностяхъ. Безъ всякаго сомнѣнія, у Пирогова, Кавелина, Некрасова могъ быть современникъ и другъ, который при многихъ отличныхъ качествахъ ума и сердца всю жизнь прожилъ безъ того, „что называется общей идеей или богомъ живого человека“. Всяко бываетъ. Но если читатель припоминаетъ автобіографію Пирогова, литературную дѣятельность Кавелина, литературную дѣятельность Некрасова, біографіи другихъ знаменитыхъ русскихъ людей, восставшихъ около того же времени, напр., Бѣлинскаго, Герцена и т. д., то согласится, я думаю, что отсутствіе „общей идеи“ отнюдь для этого времени не характерно. Люди всегда люди. Они и въ тѣ времена падали, уклонялись отъ своего бога, становились въ практическое противорѣчіе съ самими собой, но они всегда, по крайней мѣрѣ, искали „общей идеи“, и никоимъ образомъ нельзя сказать о нихъ, какъ говорить о себѣ Николай Степановичъ, — что они только передъ смертью опомнились. Пусть ихъ общія идеи, эти нынѣ подѣтки отвергаемые идеалы отцовъ и дѣдовъ, были на тотъ или другой взглядъ ложны, неосновательны, недостаточно выработаны, все, что хотите, но они были, или же составляли предметъ жадныхъ поисковъ. Для людей, восставшихъ въ той умственной и нравственной атмосферѣ, какую г. Чеховъ усваиваетъ Николаю Степановичу, нѣтъ даже ничего характернаго этой логоні за общими идеалами, которые связывали бы всѣ концы съ концами въ нѣчто дѣльное и непрерывное. Мнѣ кажется поэтому, что обсуждая фигуру Николая Степановича и его печальный конецъ, можно совершенно отрѣшиться отъ показаній автора насчетъ его возраста и дружескихъ связей, — дѣло не въ нихъ совсѣмъ; не въ силу условий своей молодости такъ тускло и жалобно доживаетъ свои послѣдніе дни Николай Степановичъ, а напротивъ того — вопреки имъ. Очевидно, передъ г. Чеховымъ рисовался какой-то психологическій типъ, который онъ чисто случайно и въ этомъ смыслѣ художественно незаконно обременилъ 62-мя годами и дружбой съ Пироговымъ, Кавелинымъ, Некрасовымъ. Можетъ быть, случайность эта объясняется просто тѣмъ, что автору нужно было именно предсмертное просвѣтленіе, иэтою надобностью обусловилась выборъ старика, а такъ какъ этотъ старикъ долженъ быть по замыслу, хорошимъ и выдающимся человекомъ, то для сущенія красокъ авторъ награждаетъ его дружбой съ хорошимъ и выдающимся людьми.

Затѣмъ г. Чеховъ сдѣлалъ изъ Николая Степановича специалиста по какой-то отрасли медицинскихъ наукъ, всецѣло преданнаго своей профессіи. Беллетристы — могуще-

ственные люди. Они красятъ своихъ героевъ въ любую краску, отдають ихъ куда заблагоразсудится на службу, на комъ хотить женить, съ кѣмъ хотить разженивають. Это ихъ право, и ничего съ ними не подѣлаешь. Но и читатель тоже вправѣ оскорбляться въ эстетическомъ чувствѣ тѣми янными несообразностями, которыя иногда господа беллетристы продѣлываютъ надъ своими безотвѣтными художественными дѣтницами. Г. Чеховъ большимъ несообразностямъ не подвергаетъ своего Николая Степановича, хотя, напр., выше отмѣченная отправка этого почтеннаго ученаго въ Харьковъ за сировами — немножко оскорбительна и совершенно не нужна. Но, я думаю, всякій, внимательно прочитавшій прекрасную сцену объясненія Кати съ Николаемъ Степановичемъ, долженъ остановиться надъ вопросомъ: почему Николай Степановичъ медикъ и заслуженный профессоръ? Пожалуй, если хотите, вполне естественно, что именно старшій профессоръ медицины, въ теченіе многихъ лѣтъ съ головой погруженный въ свою спеціальность, не умѣетъ откланяться на вопросъ молодой женщины: какъ жить? что дѣлать? Вотъ еслибы къ нему обратились за врачебнымъ совѣтомъ, за темой для диссертациі на степень доктора медицины, за указаніемъ литературы того или другого спеціально-медицинскаго вопроса и т. п., — онъ далъ бы вполне удовлетворительные отвѣты, а тутъ съ него и спрашивать нечего. Это такъ, конечно. Но сцена объясненія Кати съ Николаемъ Степановичемъ слишкомъ хороша, слишкомъ жизненна и очевидно слишкомъ глубоко задумана, чтобы къ ней могло быть приложено такое плоское объясненіе. Дряхлый ученый спеціалистъ не умѣетъ отвѣтить на вопросъ молодой жизни, — стоитъ ли изъ-за этого огородъ городить? Стоитъ ли изъ-за такого финала довольно большой рассказъ писать? Нѣтъ, и медицинская спеціальность Николая Степановича и его дряхлость здѣсь опять-таки совершенно случайныя черты, затемняющія суть дѣла. А суть дѣла въ томъ, „что у Николая Степановича нѣтъ того, „что называется общей идеей или богомъ живого человека“. Сцена съ Катей превосходно подчеркиваетъ этотъ коренной изъянъ Николая Степановича, составляющій центральное мѣсто всего разсказа. Снимите съ плечъ Николая Степановича тридцать лѣтъ, передѣлайте его изъ заслуженнаго профессора медицины въ кого угодно, ну хоть въ беллетриста, но оставьте его при его коренномъ душевномъ изъянѣ, и онъ точно такъ же растерянно и безпомощно отвѣтитъ на волю Кати: „давай завтракать! будетъ плавать!“ Онъ бы и радъ сказать другое, да словъ

нѣтъ и не откуда имъ взятъ. И въ этомъ трагедія. Только совлекая съ нея тѣ чисто мѣлкія случайности, которыми ее обставилъ г. Чеховъ, мы поймемъ ея жизненное значеніе, а затѣмъ оставшемся отъ такой операціи разоблаченія психологическому типу надо найти соответственную конкретную житейскую обстановку.

Припомнимъ, что говоритъ Николай Степановичъ: „Во всѣхъ картинахъ, которыя рисуетъ мое воображеніе, даже самый искусный аналитикъ не найдетъ того, что называется общей идеей или богомъ живого человѣка“. Это могутъ сказать о себѣ многие современные писатели и въ томъ числѣ г. Чеховъ. Егда воображеніе рисуетъ ему быковъ отправляемыхъ по желѣзной дорогѣ, потомъ тринадцатилѣтнюю дѣвочку, убивающую грудного ребенка, потомъ почту, переѣзжающую съ одной станціи на другую, потомъ купца, пьющаго, закусывающаго и неизвѣстно что подписывающаго, потомъ самоубійцу-гимназиста и т. д. И во всемъ этомъ дѣйствительно даже самый искусный аналитикъ не найдетъ общей идеи. Ни общей идеи, ни чутко настороженнаго въ какую-нибудь опредѣленную сторону интереса. При всей своей талантливости, г. Чеховъ не писатель, самостоятелно разбирающийся въ своемъ матеріалѣ и сортирующий его съ точки зрѣнія какой-нибудь общей идеи, а какой-то почти механический аппаратъ. Кругомъ него „дѣйствительность, въ которой ему суждено жить и которую онъ поэтому призналъ“ всю цѣликомъ съ быками и самоубійцами, колокольчиками и бубенчиками. Что попадетъ на глаза онъ и изобразить съ одинаково „холодною кровью“. Г. Чеховъ не одинъ въ такомъ положеніи. Таковы ужъ общія условія, въ которыхъ находится нынѣ литература, и не одна литература: такова „дѣйствительность“, которую, какъ фактъ, и приходится признавать. Но отъ признанія факта, какъ факта, еще далеко до его оправданія и восхваленія. Фактъ печальный такъ и долженъ называться печальнымъ, иначе разуму человеческому и человѣческому чувству нечего дѣлать на бѣломъ свѣтѣ, да и вовсе онъ не бѣлый въ такомъ случаѣ. А между тѣмъ находятся люди, плавающие въ этой мутной дѣйствительности, какъ рыба въ водѣ, — весело, легко, самоуверенно. „Они приняли свою судьбу безропотно и спокойно, они прониклись сознаніемъ, что все въ жизни вытекаетъ изъ одного источника — природы, все являетъ собою одну и ту же тайну бытія“, — бжки и убійцы, колокольчики и самоубійцы...

Этимъ такъ и Богъ велѣлъ, ибо, все равно, не летать курамъ подъ облака. Но

г. Чеховъ талантливъ. Талантъ можетъ шалить забавными водевилями въ родѣ „Медвѣдь“ и „Предложенію“; можетъ разбиваться на „Почту“ и „Шампанское“; можетъ, сбивый съ толку, измѣнить самому себѣ, своей стихійной силѣ таланта, попробовать въ „Ивановѣ“ идеализировать отсутствіе идеаловъ; можетъ, поконечъ, съ теченіемъ времени совсѣмъ погрязнуть; но, пока этотъ печальный конецъ не пришелъ, талантъ долженъ время отъ времени съ ужасомъ ощущать тоску и тусклость „дѣйствительности“; долженъ ущемляться тоской по тому, „что называется общей идеей или богомъ живого человѣка“. Порожденіе такой тоски и есть „Скучная исторія“. Оттого такъ хороши и жизненны этотъ рассказъ, что въ него вложена авторская боль. И не знаю, конечно, на долго ли посѣтило это настроеніе г. Чехова и не вернется ли онъ въ непродолжительномъ времени опять къ „холодной крови“ и распущенности картинъ, „въ которыхъ даже самый искусный аналитикъ не найдетъ общей идеи“. Теперь онъ во всякомъ случаѣ сознаетъ и чувствуетъ что „коли нѣтъ этого, то, значитъ, нѣтъ и ничего“. И пусть бы подольше жило въ немъ это сознаніе, не уступая наплыву мутныхъ волнъ дѣйствительности. Если онъ рѣшительно не можетъ признать своими общія идеи отцовъ и дѣдовъ, — о чемъ, однако, слѣдовало бы подумать, — и также не можетъ выработать свою собственную общую идею, — падъ чѣмъ поработать все-таки стоитъ, — то пусть онъ будетъ хоть поэтотъ тоски по общей идеѣ и мучительнаго сознанія ея необходимости. И въ этомъ случаѣ онъ проживетъ не даромъ и оставитъ свой слѣдъ въ литературѣ. А то, что хорошаго: читатель, подобно Катѣ, ждетъ отклика на свои боли, а ему говорятъ: „пойдемъ завтракать!“ Или даже еще того хуже; вонъ быковъ везутъ, вонъ почта ѣдетъ, колокольчики съ бубенчиками пересѣиваются, вонъ человѣка задушили, вонъ шампанское пьютъ.

XI.

Объ ошибкахъ исторической перспективы.

Въ приложенныхъ къ 9-му тому сочиненій Салтыкова „Матеріалахъ для біографіи“ помещенъ отрывокъ изъ письма покойнаго къ какому-то неназванному писателю. „Мнѣ кажется, — пишетъ Салтыковъ, — что писатель, имѣющій въ виду по однимъ интересамъ минуты, не обязывается выставлять иныхъ идеаловъ, кромѣ тѣхъ, которые изстари волнуютъ человечество. А именно: свобода, равноправность